

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ТЫЩЕНКО

Профессор кафедры философии Новосибирского государственного педагогического университета. Постоянный автор альманаха.

КОНЦЕПТ ВСЕНАРОДНОСТИ ОТ ПУШКИНА ДО ВЫСОЦКОГО

0. Всенародность поэта, всеобщность философа

«Как не выкинешь слова из песни, так не выкинешь политики из жизни и песен Пушкина. В его храме Аполлона было два алтаря: России и свободы. Это два метафизических корня, из которых вырастает его личность. Но Россия была дана Пушкину не только в аспекте женственном – природы, народности, как для Некрасова или Блока, но и в мужеском – государства, Империи. Как только Пушкин закрыл глаза... люди, которые строили или поддерживали империю, гнали свободу, а люди, боровшиеся за свободу, разрушали империю», – писал Георгий Федотов [13, с. 378].

С момента разрыва свободы и государства справедливо определение русской, европейски образованной интеллигенции, в том числе философской, Федотовым же: «Идейна и беспочвенна».

С этого момента справедливо его же определение русской интеллигенции, в том числе философской: «Идейна и беспочвенна». О том, что оценка справедлива и по сей день, свидетельствуют: «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького (1925–1936), «Зияющие высоты» Александра Зиновьева (1977), «Учебник рисования» Максима Кантора (2006).

В XIX и XX вв. (фаза надлома России, по Гумилеву) мы все еще не укоренились со своей «всемирной отзывчивостью» в отечественной почве.

– Пресвятая Богородица, пошто рыба не ловится?

– Аль невод худ, аль нет ее тут.

Всеобщность, целостность, укорененность по идее не исключают, а вроде бы даже и предполагают друг друга. Видимо, это так. В пределе, в идеале. Но идеалы по мере приближения к ним удаляются, не переставая быть ориентирами. На пути к идеалу всеобщность, целостность и укорененность из возможности становятся хоть в какой-то мере действительностью не одновременно, поэтому разобщены и даже противопоставлены.

Иррациональные поэты быстрее совершают прорывы во всенародность. Это в духе мужчин, которые делают новое, но кое-как. Рациональная сова философов подобна женщинам, «делающим не новое, но как следует» (Геодакян) отбирают в мужских инновациях жизнеспособное и сопровождают инновации вплоть до сбора урожая.

Впрочем, лучше заменить имена биологических полов китайскими обозначениями Ян и Инь гендеров, так как биологические мужчины могут относиться к Инь, а биологические женщины к Ян, или же к типам переходным от одного гендера к противоположному.

Философия Платона, по моему восприятию – «иньская», Аристотеля – «янская». И та, и другая была неудавшейся попыткой спасти Афины от раздоров между полисами в самый канун поглощения их Римской империей.

Их философия была всеобщей относительно античной жизни и культуры полиса, а также всей последующей истории западной философии как комментариев к Платону. Но эта языческая религия и философия многобожия не стала или не успела стать всенародной.

Христианство вкупе с философией как служанкой богословия в средние века стало всенародным. В форме университета (квадривиум + тривиум) философия стала всеобщей. Правда, не далее роли подготовительного факультета, низшего по сравнению с тремя высшими: юридическим, медицинским и особенно лидером – теологическим факультетом (по Канту).

Поэзия Пушкина всенародна в том смысле, что он создатель русского литературного языка. Поэзия Высоцкого всенародна в том смысле, что он в момент разрыва между языками верхов и языками низов («улица корчилась безъязыкая», ей нечем кричать и разговаривать) дал общенародный язык, язык не только понятный низам и верхам, но вызывающий доверие в момент утраты частями народа доверия друг к другу.

Но всенародности такой поэзии философская всеобщность присуща лишь потенциально.

Как возможна столь необходимая синергия философской всеобщности и всенародной поэзии?

Значит Пушкин, Высоцкий, коль скоро укоренились, всенародны – уже не интеллигенты? Или мы, интеллигенты, еще не совершили вслед за поэтом своего восхождения на Эверест?

Почему же (или зачем?) философам у нас почти никогда еще не удавалось то, что иногда удавалось поэтам?

У меня есть ощущение, что я приближаюсь к ответу на этот вопрос. Не первый раз. Но я не навязываю свой ответ никому, ни даже самому себе: я его не раз менял и не хочу лишать себя права поступать так и дальше по мере очередного просветления в мозгах и потепления в сердце.

Одного нельзя – нельзя трусливо уворачиваться от самого вопроса.

1. Почему всенародность песен Высоцкого исчезает, когда их поет не Высоцкий?

Противоречивые чувства вызывают ежегодные передачи-воспоминания о Высоцком.

Вот и в пятницу, 2 мая 2008 г. ТВ-3, мистический канал, в программе «Тайные знаки» показал «Со смертью на “ты”. Владимир Высоцкий». Мистика смерти телевидение интересуется больше мистики жизни. Каналу – рейтинг, попсе – нервы пощекотать.

Но огорчают певцы и певицы, поющие вместо Высоцкого. Остывший чай. Разбавленный спирт. Маяк, отключенный от электросети.

Грубая аналогия: рекордсмен мира поднимает штангу на пределе сопротивления его скелета, связок, мышц, нервов. А потом комик имитирует рекорд с пустотельными блинами. Но комик комикует, а эти поют всерьез.

Предотвѣтъ на философском жаргонѣ: секрет таятъ «концепты в контексте концертов».

Прошу прощенья за «концентрацію». Мне не удастся иначе обратить достаточно твое вниманіе, мой заслуженный собеседник, на суть дела. В таких случаях рѣчь спотыкается. Потерпи. Образуется, но не сразу.

В чем же дело? Высоцкий кричит, хрипит громче? Даже после запрещенья врачей, осмотревших его голосовые связки после кровотечения горлом:

– Я не могу шептать.

Здѣсь и пневма, и психея, и сома, здѣсь дух, душа и тело на пределе. Отсюда резонанс певца и зала, взаимное доверіе.

Но этот крик-хрип-нерв РИТМИЧЕН, а не метричен. Попса поет метрично. Ритм есть осмысленное отступленіе от метра. Метричное пѣніе – ремесло. Ритмичное пѣніе – искусство, неотделимое от автора-исполнителя.

Поющие вместо Высоцкого утрачивают индивидуальную и личностную ритмику пѣнія и гитарного аккомпанемента. Шнитке считал, что вклад Высоцкого в музыкальную ритмику даже более значим, чем его вклад в поэзію. Именно этот вклад и невозпроизводим метристами.

Казалось бы, незатейлив гитарный аккомпанемент самого Высоцкого, но почему профессиональным аккомпаниаторам повторить его обычно не удастся. Впрочем, и он сам его не повторяет, так как в иной аудитории, в ином состояніи контакта с ней ритм тоже иной, уникальный, неповторимый. Так же неповторима его мимика, жестикауляция, энергетика всей его пневмо-психо-соматики («Запреты и скорости все перекрывает», «Я выхожу из пике»).

Те, кто поет вместо Высоцкого, инстинктивно боятся на выходе из пике, при «баллистическом спуске» с орбиты – потерять сознаніе, разорвать сердце или врезаться в землю.

Как Пушкин почти непереводаим на иностранные языки, так Высоцкий неперепеваем. Его слова лишаются силы в отрывѣ от живого общенія со слушателями, от чего-то дословесного и внесловесного (Интонація? Тембр? Мимика? Жест? Шея, напоминающая орган вздувшимися жилами? Легендарность при жизни? Трагически серьезное отношеніе к жизни этого комика?) В философии в таких случаях ищут дословесные концепты, архетипы, как оголенные концы проводов потенциальной энергосети – после того, как «порвалась связь времен».

Его концепты обжигают только в контексте его концертов: каждый из которых есть новый эксперимент с жанром театра одного актера, который сам себе и сценарист, и режиссер, и оркестр, и дирижер, и декоратор, и ведущий. Персимфанс. Подобно софитам в сети – его концерты, его концепты светят только в контексте его жизни и жизни страны, в этой ситуации встречи с этой именно публикой. На стыке его реальной жизни (уже при жизни легендарной), его поэзіи (лирической, комической, трагической). На стыке возможного и почти невозможного. Каждый раз он как бы на наших глазах почти вылезает из собственной шкуры, почти влезает в чужую, но при этом все ипостаси остаются неслиянными и нераздельными, как ипостаси Троицы. Перенаселены не только сотни его стихов, особенно ставших песнями. Перенаселен он сам под джинсами и свитером. Так и кажется, что его недо воплощенные Семь Я в своей нетерпеливой страсти воплотиться здѣсь и сейчас взорвут его изнутри. И это оказалось не только кажимостью.

Высоцкий дал и улице, и кабинетам, хижинам и дворцам, высоту видѣть и язык говорить о новой, второй в XX в., надвигающейся в благополучіи застоя Смутѣ. «Все не так, ребята». Когда есть доверіе, много слов не надо, подчас слов вообще не нужно (когда народ безмолвствует, когда безмолвствовали исихасты).

Из Высоцкого придется включать в Словарь русских пословиц, поговорок, афоризмов больше, чем из «Горя от ума».

2. Пушкин стал всенародным посмертно, Высоцкий – прижизненно. «Несмотря на то, что» не печатался (отчасти «благодаря тому, что»)

Вместо очередного копания в смерти Высоцкого разберемся (любимое им слово), какова «Жизнь Высоцкого до смерти и после».

Пушкин – потенциально всенародный поэт (а на мой вкус, так и русский философ № 1 – ибо экспериментами с жанрами он создал русский язык). Но он дожил только до времени, когда грамотные поклонники поэзии воспринимали его как «когда-то модного» в тени новых недолговечных кумиров. Но и сегодня очень даже грамотные зарубежные читатели и исследователи поэзии и прозы Пушкина почти без исключения не могут понять, почему «Пушкин – наше все», почему его ставили выше себя всемирно признанные Достоевский, Толстой, Чехов?

Но Пушкина нет и для отечественного нечитающего поколения эпохи клипов и эсэмэсок.

Причем тут всенародность? Большепальцевая молодежь, «умная толпа» – еще не народ. Точно так же как чиновники, не разрешавшие Высоцкому при жизни ни печататься, ни легально давать концерты, а ныне запускающие раз в год ленту «Высоцкий. Последние 24 часа» – вышли из народа и – не вернулись. Уже не народ. Если угодно: понимаешь Высоцкого – народ. Не понимаешь (даже если поешь его песни) – уже или еще не народ. Определение принадлежности к народу по отношению к поэту – «это хорошая идея». Это я ее придумал или забыл, кто мне ее подсказал?

Но – грамотных стало среди населения большинство, составляющих народ среди грамотных – тоже хоть и не все, но все-таки большинство, притом авторитетное (не в криминальном смысле). К тому же «срок жизни увеличился и может быть, концы поэта отодвинулись на время».

Потому ли или по иному, но стал Высоцкий прижизненно всенародным. На заборах я чаще вижу имя Цоя. Он заслужил. Но это имя отличает детей от родителей. Имя Высоцкого их соединяет, когда и те, и другие уже народ.

Это ключевое слово прозвучало у самого Высоцкого в «Памятнике» за несколько лет до смерти:

Не сумел я, как было угодно –
Шито-крыто.
Я, напротив, ушел ВСЕНАРОДНО
Из гранита.

Казалось бы, спад интереса к Высоцкому опровергает всенародность. Но всенародность Пушкина пережила неоднократные спады интереса к нему. Они неизменно сменялись возрождением. Всенародность подобна океаническому течению – имеет составляющую не только на поверхности, но и в глубине.

Сегодня понижающая волна видимой на поверхности популярности Высоцкого снова сменяется (так я чувствую) повышающей волной. Падает в расколотой России взаимное недоверие, растет взаимное доверие, надежда на будущее. Вижу по явно возросшему количеству мам с детскими колясочками.

И это возрождение совпадает с началом возрождения опущенной России.

Только что «Зенит» завоевал кубок УЕФА. А ведь футбол – самая общенародная игра. Шаляпин русского футбола, Всеволод Бобров, символ общенародности.

Мое описание (всенародность Высоцкого) – для меня факт, аксиома, постулат, не требующий доказательств. Однако мне тоже хочется хоть чуть-чуть этот факт

объяснить и понять: он всенароден вопреки и благодаря чему и кому? Что такое «всенародность»? Зачем она народу? Всенародность для кого, для верхов и низов? Мужчин и женщин? Родителей и детей? Ученых и инженеров? Для маркетинга и педагогики (коррупция – пример синергии, который не радует)? Теистов и атеистов? Православных и мусульман? Поэтов и критиков? Нищих преподавателей и приезжающих на иномарках студентов? Для эзков и надзирателей (во времена ГУЛАГа надзиратели легко становились эками)? Для беспочвенной интеллигенции (либеральной или «почвеннической») и для почвенников без кавычек? Для наркоманов и наркологов? Для Шарапова и Фокса? Фокс как и Пилат – не народ. Но дорога в народ через «Покаяние» не закрыта даже для Пилата и Иуды. Вышли ведь все из народа. Из тех ворот, из которых весь народ. Храм и мать в «Калине красной» Шукшина.

Разберемся в значении и смысле ВСЕНАРОДНОСТИ в отличие от просто народности. Проведем аналогию между этим словом и квантором общности. КАЖДЫЙ абитуриент знает, что сумма внутренних углов ВСЯКОГО треугольника равна 180 градусам. Выше выделены два случая *необоснованного* использования квантора общности. В действительности НЕКОТОРЫЕ (квантор существования) абитуриенты знают, что двум прямым равна сумма внутренних углов лишь в НЕКОТОРЫХ треугольниках. В неевклидовых геометриях сумма внутренних углов треугольника может быть меньше или больше двух прямых. Это некоторые знают со времен Лобачевского и Римана.

Народных поэтов и всенародных поэтов я буду различать по аналогии с кванторами существования (народные: когда существует значительная часть народа, понимающая этого поэта) и квантором общности (*всенародного поэта понимают по обе стороны основных границ, которые раскололи наш народ на непонимающие друг друга слои и уровни*). Всенародный поэт – это «антираскольник», медиатор, посредник, толмач, переводчик, субъект «срединной культуры» между культурами, абсолютизирующими или тезис или же антитезис, не считая нужным и возможным синтез. Раскольники уничтожают целостность народа, антираскольники открывают перспективу восстановления целостности.

Слышу голос: Все, прокололся, сволочь, тоталитарист, тащит нас в Страну Советов с гебистами.

Отвечаю: Я различаю два равно имеющие право на существование типа общества, вместе с новосибирскими женщинами-экономистами (область экономической социологии или социологической экономики) Бессоновой и Кирдиной:

В обществе мужского гендера доминанта – рынок, его провалы компенсирует субдоминанта централизованного планирования (например, высадки американцев на Луне).

Мы общество женского гендера: доминанта – централизованное планирование. Провалы его компенсирует рыночная субдоминанта (шашки в СССР, слабый пока средний класс, мелкие и средние предприниматели сегодня).

Разрушительно для обоих обществ – делать субдоминанты доминантами. Доминанты от неупотребления вянут, субдоминанты от перенапряжения хиреют.

Человечеству так же нужны два типа общества, как муж и жена для деторождения и деторазвития.

Я против абсолютизации либералами У-обществ и против абсолютизации Х-обществ патриотами.

За синергию Инь и Ян, СИЯ.

Эта тема намечена А.П. Давыдовым в книге «Духовной жаждою томим» [4]. Правда преимущественно Давыдов имеет в виду материал (что Пушкин говорит), но еще более важно художественное ОФОРМЛЕНИЕ материала, то, КАК Пушкин говорит.

Важны экспериментальные маленькие трагедии; роман стихах не только как энциклопедия русской жизни, но и как энциклопедия жанровых экспериментов; «Капитанская дочка» как маленький по объему и всеохватывающий роман.

У нас были народники, которых народ иногда вязал и выдавал жандармам. Были и существуют почвенники, деревенщики. Они и «общечеловеки» третируют или же с трудом выносят друг друга. Фольклор, народная мудрость сама перестала быть всенародной с появлением заимствованно, книжно образованной элиты, и к тому же мудрость эта раскололась на деревенскую и псевдомудрость городских дворов, блатарей, тюрем, лагерей. У нас есть официальные и неофициальные народные артисты, есть научная и есть народная медицина. Но это скорее симптомы раскола народа, чем ростки его преодоления раскола всенародностью. Такие народные делят население на народ и не-народ (оторванные от народа элиты, инородцы, иноверцы, гастарбайтеры и т.п.). Да и сам народ отделяет себя от люмпен-крестьян, люмпен-рабочих, люмпен-интеллигенции. Эти меньшинства-изгои во времена Смута и дезориентации даже временно сливаются в большинство. Это времена расцвета всех форм аддикции, зависимости, рабства: алкоголизма, наркомании (опиоидной, гашишной, кокаиновой, амфетаминовой и мн.др.), никотиновой, пищевой, сексуальной, игровой, коммуникативной, клептомании, работорголизма, шопинга, зависимостей от телевизора, пепси, стандартов женской красоты, Интернета и мобильных телефонов.

3. Всенародный алкоголик и наркоман?

Слышу часто я этот ехидный вопрос. В Доме Ученых мне пришлось слышать аналогичное утверждение «либерала»: Что вы носитесь с Пушкиным? Слуга царю, бабник и болтун, которого декабристы поэтому и не приняли в свои ряды.

Не будем обходить эту не новую, но все еще щекотливую тему. Мне в год смерти Высоцкого аспиранты-соискатели из школы МВД рассказали, что по сосудам мозга Высоцкого можно было стучать карандашом, как по сосудам мозга Ленина. Да, он глушил ночами, после ухода друзей, далеко за полночь, садясь за черновики своих стихов и песен, крепчайший кофе, чай (почти чифирь) чайниками, пил водку, да еще его и подсадили на наркотики, вольно или невольно, вероятно при реанимациях. Продление его жизни на дюжину лет далось Марине Влади, мягко выражаясь, нелегко.

Но **разберемся** на примере соотношения трудолюбия и работорголизма.

Специалист по аддикциям пишет: «Чем отличается трудолюбивый человек от работорголика? Трудолюбивый человек имеет перед собою цель, ему важен результат своего труда, для него профессиональная деятельность – всего лишь часть жизни... Для работорголика все наоборот: результат работы не имеет смысла, работа – это способ *заполнения* времени (сами работорголики выражаются иначе: способ *убийства* времени – В.Т.)... Семейные отношения, сама семья работорголиком воспринимаются как помеха, отвлекающая от работы и вызывающая раздражение и досаду... Работорголик становится настолько фиксированным на работе, что постоянно отчуждается от семьи, друзей, все более замыкаясь в системе собственных переживаний... Выделяют такие свойства работорголика как ригидное мышление, уход от действительности, прогрессирующую вовлеченность и отсутствие критики» [11, с. 501–502].

Очевидно, по определению – Высоцкий не работорголик, не алкоголик, не наркоман, не графоман. Хотя и трудился без и сверх всякой меры над листками бумаги, успевая и «Гамлета» играть, и откликаться концертами на приглашения во все слои и на все уровни народа, подхлестывая свой спринт водкой и наркотой, потом снова и снова пытаясь соскочить с иглы. Не зная, сколько ему осталось лет, месяцев, дней и часов и потому дорожа каждой минутой.

А тут еще менталитет народа, который с подозрением относится к непьющим: не понятны, значит непредсказуемы. Менталитет нашей артистической богемы. Атмосфера, которую передают две истории.

Когда Сталин защитил Шолохова от нависшей угрозы ареста, он его на прощание все-таки подковырнул вопросом: «Говорят, Вы пьете, товарищ Шолохов? – От такой жизни запьешь», – не растерялся донской казак.

И вторая история. Народная артистка отозвалась на антиалкогольную кампанию так: Такая жизнь и без наркоза?

Есть большая разница между человеком, который на обезболивающих, через не могу, доводит дело жизни до максимально доступной завершенности и совершенства, и тем, кто этими же средствами бесплодно убивает время, самого себя и окружающих, обвиняя наркотики, спаивающих друзей, дьявола или Бога, только не самого себя.

Другое дело, даже его могучее здоровье телесное, душевное и духовное не могло бесконечно противостоять перегрузкам сверх всякой меры, сродни перегрузкам на экстремальных режимах у летчиков и космонавтов. Особенно когда храним женой, реаниматорами и Господом, он торопился если не дожить, то хотя бы допеть.

4. Певец империи и свободы. На их развалинах

Но почему или для чего жизнь в России периодически становится почти невыносимой? Почему за реформами следуют контрреформы, за подъемами спады, за спадами подъемы?

Русская империя давно бы последовала вслед за Римской, Австро-Венгерской, Британской, если бы не были в ее истории моменты истинной всенародности. Времена Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, «Троицы» Рублева, Минина и Пожарского, Бородино, окопов Сталинграда, Гагарина.

Но «победы благодаря всенародности» сменялись с исчезновением всеобщей внешней угрозы восстановлением раскола народа, который еще не раз становился почвой Смуты. К расколам времен Никона и Аввакума, Суворова и Пугачева с XIX в. добавился еще один раскол, который породил «нелепые на Западе антитезы: “интеллигенция и народ”, “интеллигенция и власть” – писал в 1926 г. Григорий Петрович Федотов. – Каждое поколение интеллигенции определяло себя по-своему, отрекаясь от своих предков и начиная – на десять лет – новую эру» [12, с. 68].

«И я сжег все, чему поклонялся,

Поклонился всему, что сжигал» (персонаж «Дворянского гнезда» Тургенева. Момент, когда дворяне уступали лидирующую роль разночинцам).

Заметим, что Федотов исключил из так понятой интеллигенции всю огромную массу учителей, телеграфистов, ветеринаров и даже профессоров. Более того – он исключил из состава интеллигенции такие имена истории русской мысли, как Феофан Затворник, Победоносцев, Федоров, Катков. (Влияние Феофана Затворника «на народную жизнь было несравненно более сильным и глубоким, чем любого из кумиров русской интеллигенции»). Русская интеллигенция занесла в свои святцы «старых славянофилов, но отвергла новых. Занесла Чаадаева, Печорина, Вл. Соловьева, но отвергла Хомякова, Гоголя, Победоносцева – как богословов». «Толстой и Достоевский не вмещаются в русской интеллигенции. Но характерно, что интеллигенция с гораздо большей легкостью восприняла рационалистическое учение Толстого, чем православие Достоевского».

Тем не менее, история «десятилетних» (здравствуй, Чижевский!) поколений русской интеллигенции имеет сквозную связующую нить, некий общий критерий различения своих и чужих. Он двойствен.

«Русская интеллигенция “идейна” и “беспочвенна”. Это ее исчерпывающие определения. Они... взяты из языка жизни: первое, положительное, подслушано у друзей, второе, отрицательное, – у врагов».

Идея = слияние правды-истины и правды-справедливости. Если это – догмы, то они не способны развиваться, они способны лишь отрицать и сменять друг друга, углублять раскол. Такой догмой к моменту распада СССР стала альтернатива – или свобода (либералы) или справедливость (различные консерваторы православного, державнического, почвеннического, коммунистического толка). Сторонников формулы «И свобода, И справедливость» презирали и высмеивали с обеих сторон.

Результат – беспочвенность не только сменяемых, но и сменяющих идей-догм: «отрыв от быта, от национальной культуры, от национальной религии, от государства, от класса, от всех органически выросших социальных и духовных образований». В нигилизме отрыв становится срывом, что грозит каждому поколению русских интеллигентов. Демобилизующий стресс, дистресс.

Всенародность – тоже стресс, но мобилизующей, *евстресс* (словообразование по образу *Евангелия*).

Прошло почти 30 лет после смерти Высоцкого, за это время у нашей интеллигенции обряд сжигания объектов бывшего поклонения, переход отрыва от корней и почвы к срыву, дистрессу, имел место и после недолгой эйфории 1985, и после неожиданного развала СССР.

Потенциальная всенародность Пушкина, создателя русского литературного языка, системы жанров этого языка, актуализировалась по мере преодоления таких препятствий, как безграмотность большинства населения в XIX в., как борьба за перетаскивание «певца империи и свободы» крайними ревнителями либо империи, либо свободы в свой тупик.

Когда Пушкина перестанут рвать на части во имя «или – или», тогда его всенародность станет окончательно из потенциальной – актуальной. Потенциально он философ № 1 в России, ибо народ видит свой жизненный мир не глазами, слышит не ушами, осязает не руками, обоняет не носом – а концептами и понятиями, словами. Они направляют внимание и записывают осязаемое в память, описывают, объясняют, дают понимание, ориентацию как в мире стабильности, так и в периоды Смут. **Смуты суть периоды разрушения системы координат.** Если мы не объекты манипуляции, а субъекты, личности – то не они нас направляют, а мы выбираем, чем себя направлять. Чтобы, став собой (катарсис), выходить из себя (экстазис), обогащая набор своих компетентностей, не теряя себя, своей идентичности. Базовый запас значений и смыслов таких слов нам дан экспериментами Пушкина с системой жанров русского языка.

XX век России богат именами: Маяковский и Есенин, Пастернак и Мандельштам, Ахматова и Цветаева, Горький и Шолохов; Вернадский и Королев; Выготский и Бахтин; Сталин и Жуков, Солженицын и Сахаров.

Перебираю мой 77-летний опыт и думаю, в ком из моих современников лично я, головой и сердцем, печенками почувствовал дыхание самой возможности всенародности = преодоления беспочвенности? Момент, который дано пережить не каждому поколению, и осознать не каждому пережившему такой момент поколению.

Мы в той или иной мере – все еще интеллигенция в смысле Григория Федотова: образованные и беспочвенные. И западники, и почвенники (они народны, но не всенародны). Но есть разница: смириться с тем, что иначе и быть не может, или же пережить момент истины – должно быть и может быть иначе.

Высоцкий прорвался к всенародности через хорошо охраняемые границы и нейтральные полосы. Чтобы «разобраться». Его хриплый от природы и водки голос

иноходца слышали божьи и кремлевские дети, ээки и красивые охранники, академики и школьники, мужики и женщины.

Итак, ключевым словом **описания** остается всенародность как отличительный признак. Сначала молодое, нечитающее поколение переключилось на другие имена и жанры. Но все они оказались легковесными и коротко живущими. Когда Россия, наконец, стала возрождаться, это выяснилось. А Высоцкий жив не только благодаря ностальгирующим его современникам. Память о спринтере имеет стайерский потенциал. Поворот к предкам, истории, наследию, нереализованному потенциалу, ко всей почве «национальной гордости великороссов» питает второе рождение Высоцкого.

5. Мифологемы, концепты мандалы Высоцкого

Ограничимся триадой СИЯ:

В качестве мифологемы Синергии Инь Ян – «час зачатъя».

В качестве Инь-мифологемы – землю («кто поверил, что землю сожгли»).

В качестве Ян-мифологемы я выбираю «волка».

5.1. За отправную точку в обсуждении триады мифологем я возьму **Вызов феминисток – Ответ, мужские движения**.

Вызов феминисток: Женщины находились в кризисе и вышли из него измененными и обновленными. И сегодня уже мужчины ломают себе голову, размышляя о своей самобытности. До сих пор поиск идентичности заводит их напрямик в самые различные тупики: в мужские компании и уик-энды, где они бьют в барабаны и играют в индейцев [1].

Ответ маскулинистов. «Особенно сложно... зародившееся в 1980-е годы так называемое **мифопоэтическое** движение. Оно началось с того, что многие, преимущественно белые, гетеросексуальные и хорошо образованные американцы среднего класса стали посещать собрания и лекции, где обсуждались мужские проблемы».

По мнению поэта Роберта Блая, главная задача современности – направить мужчин на путь духовного поиска, чтобы помочь им восстановить утраченные ими базовые мужские ценности [5, с. 569].

Место здоровых мужских ритуалов занимает, с одной стороны, разрушительная, агрессивная гипермаскулинность уличных шаяк, а с другой – размягчающая и убивающая мужской потенциал женственность.

Мечтают восстановить традиции древнего мужского братства и межпоколенного наставничества. Многие из этих людей политически не реакционны, но для них характерны иррационализм и антиинтеллектуализм.

Мифопоэтическая идеология рассуждает о мужчинах вообще, как о едином типе. Ее главная философская база – «полумистическое учение К.Г. Юнга, в частности, разграничение мужского духа (анимус) и женской души (анима)» [там же].

Возможна ли синергия феминизма и маскулинизма, Инь – Ян? Пока что для этого еще трудно подобрать имя. Сандра Бем предложила лозунг **андрогинизации**, но наиболее распространенный денотат слова андрогин – двуполое существо (мифическое или же – результат врожденного уродства). Ей пришлось от слова отказаться.

Я поэтому избрал лозунг синергизации Инь Ян, СИЯ. С одной стороны, этот лозунг напоминает идею неслиянности и нераздельности ипостасей Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святого. Но я в дополнение к мужской Троице я имею в виду гетеросексуальную троицу: Ян отец, Инь Мать, дети обоего пола. В развернутом виде Ян представляет собой нечетную троицу (мужчины придумывают новое, но кое-как), а Инь четную четверицу (женщины делают не новое, но как следует). Итого, за триадой

СИЯ скрывается семерица (примером которой может быть схема универсальности средневековых университетов: квадриум и тривиум).

Известные деления философии (Дао и Логоса; Логоса – на реалистов, номиналистов, концептуалистов; на эссенциалистов и экзистенциалистов на континенте; на континентальную и аналитическую философию и пр.) теперь дополняются.

Идеал, цель, смысл всенародности имеет прямое отношение к тому, чем мы занимаемся – философией как целым или ее частями, утратившими связь с целостностью? Беспочвенная, неукорененная, раздробленная философия с нынешним разгулом многообразия философий при отсутствии целостности, единства – это либо уже не философия, либо еще не философия. Энергия стиля философии зависит от разницы потенциалов между полюсами единства, целостности и полюсами земного многообразия. Так как эта разность потенциалов в значительной мере утрачена, философия напоминает гидроэлектростанцию на усыхающем старом русле реки, текущей уже мимо старой плотины по новому руслу.

Карту для картины мира образуют три измерения, каждое из них – доминанта определенной культуры [2]. Я использую различие биоморфной и техноморфной культуры (БМК и ТМК) Михаилом Константиновичем Петровым, философом от кораблестроителей. Он возводит европейский рационализм субъект-объектной манипулятивной деятельности (фаллоцентризм на языке Деррида) к отношениям на палубе пентеконтеры, корабля древнегреческих пиратов.

Но я дополню дихотомию БМК – ТМК третьей культурой – ПМК. Педоформной культурой (от термина «педоморфоз»: к примеру, позвоночные происходят не от самой развитой формы беспозвоночных, а от самой исходной, «детской», еще не специализированной). Думаю, что будущее информационное общество тоже будет походить не на самые последние формы индустриального общества на Западе и в ССР, а на их общее еще неспециализированное детство времен мнений эпохи Возрождения, веры Реформации и знаний раннего Просвещения.

Доиндустриальные, традиционные общества питались энергетикой вертикали (Небо мировых патриархатных религий – Мать-Земля, Родина).

Индустриальные общества заменили вертикаль в роли доминанты – горизонталью, расколов мир на Логос Запада и Дао Востока, расколов Логос Запада между аналитической и континентальной философией, в СССР на онтологистов из числа преподавателей Ленинграда и гносеологистов из числа академических философов Москвы.

Я думаю, что будущее информационное, педоморфное общество (пожизненного образования и самообразования) выдвинет на роль доминанты саггиталь, восстановление порванной связи времен: прошлого, настоящего, будущего.

5.2. Кто поверил, что землю сожгли?

Еще несмышленный,
зеленый,
но чуткий
подсолнух
Уже повернулся
верхушкой
своей на
восход.

Попробую уяснить самому себе, что я стал понимать через 40 лет, после того как на Медео покойный Игорь Серафимович Алексеев, философ из физиков, впервые открыл мне Высоцкого (в горах хорошо звучат песни из «Вертикали»). Оказалось,

что слова в хриплых его песнях не просты и не случайны. Если в них вслушаться, вчувствоваться, вдуматься. Подобный эффект я испытал, когда будучи директором школы монтировал электроукрашения новогодней елки и второпях сам замкнул собою цепь.

Меня сначала все равно раздражали фанаты сопоставлением – Пушкин и Высоцкий. Потом я обнаружил, что такое сопоставление помогает мне понять и Пушкина, и Высоцкого.

Того Пушкина, которого Г. Федотов назвал «певцом империи и свободы». В нашей истории певцы обычно воспевают либо то, либо другое. Синергию империи и свободы чувствовал лучше всех Пушкин, потому он и «наше все».

И того Высоцкого, который спросил у народа: «Кто поверил, что землю сожгли?». Мифологема матери-земли – Инь полюс. Ян-полюс может представить «Охота на волков». Не только и не столько охотники (это скорее те, кто вышел из народа и не вернулся), а прежде всего волк. У Пушкина тоже встречается концепт волка. Во второй главе «Капитанской дочки», которая в немецком переводе названа «Der Führer», а в русском оригинале «Вожатый».

«Что там такое чернеется?» «А бог знает, барин, воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк или человек».

Есть оригинальная и глубокая мысль этолога Лоренца: к сожалению, человек человеку не волк, а голубь. У хищников действует инстинктивный запрет убивать себе подобных. У мирных голубей его нет и поэтому голуби могут заклевать друг друга до смерти. Люди тоже.

Я представляю возможность статьи для другого номера альманаха Человек.RU: «Волки Высоцкого и “Капитанской дочки” Пушкина».

На пепелище природа сажает сосну (светлюбивые готовят почву для тенелюбивых, для берез и дубов), а человек – подсолнух. Их дальнейшая судьба зависит от того, как их *назовут*. Для кого-то сосна – помеха подсечно-огневному земледелию, для другого – товар, для третьего – генератор кислорода, для четвертого – поэтический символ, для пятого – фабрика янтаря. «Ах, разность в языках!». Она порождает рознь. Она порождена рознью. Чтобы рознь по взаимному недопониманию преодолеть, требуется исходная функция, ради которой и родилась философия: «исправление имен». Исправление имен делает язык, ставший отчужденным, снова освоенным, раба отчужденного языка – его хозяином, сотворцом.

Менталитет народа тесно связан с отношением народа к своему языку. Автор книги «Алгебра совести» В.А.Лефевр, вынужденно эмигрировавший в США, видел, что «Алгебру совести» «эмигранты разных стран покупали с целью: понять, что с ними происходит, когда они, как носители второй этической системы (менталитет конфронтации: или – или) вынуждены жить и работать среди представителей первой этической системы (менталитет компромисса: и – и)» [8].

Полдюжины вопросов типа «Следует ли подсказывать другу на экзамене?» достаточно, чтобы эти два менталитета различить. К примеру, против подсказок те, кто привержен союзу «и-и» (как ни странно); за подсказки те, кто привержен «или-или» (что не очень уже странно, это ответ на вопрос – Против кого дружим?).

Мышление типа «и-и» связано с установкой на компромисс, говорит Лефевр. Правда, у нас это слово скомпрометировано. Идешь на компромисс – значит, слаб и беспринципен. Но скомпрометирован компромисс в глазах крайних, стремящихся воевать до победного конца, до поражения, унижения, уничтожения врага. В глазах носителей срединной культуры сосуществования, победы без побежденных, сотрудничества, синергии дело выглядит иначе. Ты слаб, если у тебя нет силы достичь после войны взаимовыгодного мира со вчерашним врагом. Даже с врагом? Да, когда

не получается врага уничтожить, мы начинаем догадываться, что есть альтернатива: сделать из него если не друга, то хотя бы сотрудника. Друзей надо делать из врагов, больше не из кого. Французы уже похоронили в общей могиле коммунаров, вешавших аристократов на столбах, и жен повешенных, выкалывавших глаза вешателей зонтиками. У нас появляются общие погребения белогвардейцев и красноармейцев. Мы уже созреваем до общих захоронений павших на нашей земле по обе стороны фронтов Великой Отечественной войны. И русские, и немцы – хлопцы, у которых чубы трещали, потому что пань их дрались. Примирим погибших, чтобы мирно сотрудничали их и наши потомки. Такой компромисс, такой мир требует больше сил, терпения, ума и сердца, чем война.

Американцы чаще придерживаются установки «и-и» (но это идеал отношения американца к американцу, редко – к арабу или русскому). Во всяком случае, после обмена школьниками американцы удивляются тому, что наши друг другу подсказывают, а наши удивляются тому, что американцы считают это предосудительным.

Пушкин для Г. Федотова – певец И империи, И свободы. Среди пушкинистов разных эпох и убеждений явно просматривается установка связать Пушкина ЛИБО с империей, ЛИБО со свободой. Это реалистичнее и проще. Надо сказать, что это совпадает с менталитетом определяющего большинства наших – народа и элиты.

Высоцкий: «И людей будем долго делить на своих и врагов». Хотя и свои, и враги догадываются, что в стратегическом смысле – это тупик. Перед лицом общего врага, рукотворного глобального экологического кризиса придется объединяться Западу и Востоку, Северу и Югу, христианам и мусульманам, террористам и антитеррористам, детям и родителям, мужчинам и женщинам, консерваторам и либералам. И это не утопия, а единственная альтернатива перспективе заворачиваться в белые простыни и тихо ползти на кладбище, чтобы не поднимать паники.

Вспоминается притча: две женщины вырывают младенца друг у друга. Мудрец признал истинной матерью ту, что выпустила ручку ребенка, лишь бы не навредила ему. Непримируемая борьба сторонников или империи, или свободы, перетягивающих Пушкина на свою сторону, напоминает эту притчу.

Но что я имею в виду под империей? Это слово обросло однокоренными словами: император, империализм, империал, имперские амбиции, категорический императив.

Говоря об империи, я буду далее иметь в виду большие государства с любым политическим строем и типом экономики, подобные Индии, Китаю, России, в отличие от средних и малых государств, характерных для наиболее географически расчлененной западной оконечности Евразии. На Западе были империи Римская, Британская, Австро-Венгерская, были попытки Наполеона и Гитлера создать империи. Они уже ушли в прошлое, хотя императоры, цари, монархи в современных европейских государствах все еще встречаются, то «их уходят», то снова приглашают. Сейчас и Романовы зачастили в Россию.

Восточные империи и древнее, и устойчивее. Они продолжают каждый раз после их расчленения или завоевания восстанавливаться. Факт этот общеизвестен. Оценки диаметрально противоположны со стороны *глобализаторов* западной парадигмы, *локализаторов* восточной парадигмы и сторонников синергии (*глокализации*) нераздельных и неслиянных Востока и Запада, Севера и Юга.

Высоцкий рвался к свободе на очередном закате большого государства, империи по имени СССР, перед его очередным распадом, не первым и не последним. Мы с тобой, читатель, успели пожить сначала три четверти века на пепелище империи без свободы, а затем пятую часть века в условиях «свободы» без империи, какую нам преподнесли Гайдар и К°.

«И это нашествие (либеральное) – в отличие от наполеоновского или гитлеровского – сопротивления не встретило.

Теперешнее разрушение России было встречено полным одобрением мыслящей части населения, равнодушием народа.

И дубина гражданской войны не поднялась, и не встали полки под Бородиным, и не поглотила завоевателей бескрайняя русская степь, и Москва не сгорела» [6, с. 758]).

Там же, у М. Кантора: страна и народ существуют до тех пор, пока существует искусство, связывающее ответственностью поэтов, правителей, необразованных, интеллигентов, Толстого и Кутузова.

Такая «свобода без государства, империи» на поверку обернулась беззащитностью и утратой ориентиров. Зато над страной закружилось воронье, отечественное и зарубежное. Урвать побольше и унести подальше. Варяги и ворюги, хорошо сказал один из них. У них иллюзий насчет друг друга еще меньше, чем теперь у нас.

Один из индикаторов состояния державы, за которую обидно – число самоубийств. Мировые лидеры: 1. Литва. 2. Россия. 3. Белоруссия. 4. Латвия. 5. Эстония. 6. Казахстан. 7. Венгрия. 8. Словения. 9. Украина. Семь осколков империи на руинах СССР, два – на руинах мировой социалистической системы. На 10 месте оказалась представляющая семерку наиболее мощных экономик мира Япония. Это другая история. Имея крайне скудные территориальными и ископаемыми ресурсами трамплин, Япония ворвалась в семерку. Естественно, ценою перенапряжения.

От суицидов в России умирает больше людей, чем от убийств и ДТП. Такова ситуация на пепелище сначала империи, а вслед за ней и свободы.

Пепелище – это хорошо или плохо? Плохо. Ибо сгорает не только то, что завершило жизненный цикл. Сгорает и многое преждевременно.

Но не только. Мы уже подзабыли, что наш народ начинал именно с уже упомянутого выше подсеčno-огневого земледелия. Почва, удобренная рукотворным пожаром, плодоносила после него 2–3 года. Потом приходилось выжигать новый участок леса. Но тогда Русский лес казался неистощимым и воспринимался как враг. Сейчас весь мир обеспокоен вырубкой бразильской сельвы, сибирской тайги, что грозит дефицитом кислорода. Лес теперь друг, сук, на котором сидит человечество, проливая слезы над его судьбой и продолжая, тем не менее, рубить под собою этот сук.

Но бывают нерукотворные пожары в тайге. Когда такие пожары угрожают поселениям – вся надежда на МЧС. С пожарами борются, спасая также и лесозаготовки. Но лесозаготовки нам удаются много лучше лесовосстановления. Это напоминает нашу медицину, которая лечит не больных, а болезни. Аналогично мы боремся с пожарами, вместо того чтобы лечить лес. До нас леса лечили себя сами, в том числе и пожарами. Экологи напоминают: нерукотворные пожары – нормальная составляющая лесной сукцессии. На пепелище, удобившем обогащенную сосной почву, продолжается *развитие* леса. Развитие *борьбы и сотрудничества, синергии* хвойных и лиственных, светолюбивых и тенелюбивых деревьев, растений, микробов, насекомых, животных, людей. Снова требуется экологическое исправление имен, которые лесу дают лесоиспользователи. Иначе лесоиспользователи погубят леса, а вместе с ними нас и самих себя. Последнее – заслуженно, но не утешительно.

Аналогично борьба русской державы, империи и вольницы Разиных, Болотниковых, Пугачевых, запорожцев неоднократно кончалась подрывом сил обоих полюсов нашей истории. И тогда на ослабевшую Русь налетали иноземные войска. Пепелища были результатами войн отечественных и гражданских, результатами Смут, бунтов, бессмысленных и беспощадных. Деревянные деревни и города регулярно выгорали до тла, включая самосожжение деревянной Москвы в войне 1812 года.

Обо всем об этом Пушкин размышлял в «Борисе Годунове», «Медном Всаднике», особенно в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева». Восставшие вырезали дворян семьями. Правительственные войска, дворяне уничтожали бунтовщиков, не щадя мужиков и баб, старого и малого.

Потом дубина народной войны 1812 года снова объединила на время крепостных с их русским языком, и крепостников с их французским языком. Однако после победы 1812 года страну ждала очередная серия смут в результате смены стайерского долготерпения народа (Некрасов) спринтерским «нетерпением» народников (Трифонов о Халтурине), большевиков (Шолохов, Солженицын), либералов. Нетерпеливыми были оба Гайдара, не только причмокивавший внук, но и симпатичный мне дед. Дед командовал расстрелом пленных во имя светлого будущего справедливости. Егор опустил идеалы справедливости во имя светлого будущего свободного рынка (которого нет даже на Западе).

Мы с вами через треть века после смерти Высоцкого оказались на руинах после того, как одни непримиримо выбрали «рыночную свободу ценою справедливости», другие – столь же непримиримо требовали «планово-централизованной справедливости ценою свободы». Выигравшая вторую горячую мировую войну, страна проиграла третью холодную и была опущена. Как опускают победившие уголовники побежденных. Западные «демократии» позволяют себе аналогичное в Югославии, в Афганистане, в Ираке, на территории СНГ после распада СССР. Не надо забывать: две горячие мировые войны случились после того, как была опущена победителями побежденная Германия.

Кто виноват? Да, конечно, зарубежные доброхоты. Учителя-недоучки. Но что бы они смогли без пятой колонны отечественных книжных «либералов», оторванных как от отечественной почвы, так и от почвы малых западных государств, взрастивших демократию. Если звезды зажигали «либералы», значит, они тоже кому-то нужны. Но не нам. Теперь они практически не нужны другим, а значит и себе. Инвестиции в них уже явно себя не оправдывают. Между тем, либералы без кавычек России нужны, незаменимы. Без них некому компенсировать продолжение достоинств сильной государственной власти, ее провалы (скажем, в области среднего и малого бизнеса, прав человека, борьбы с коррупцией).

С. Кирдина (женщина-экономист) предлагает различать два взаимно дополнительных типа обществ: в одних доминирует рынок, а его провалы компенсируют государство централизованными усилиями; в других доминирует сильное государство, а провалы централизованного планирования и управления компенсирует рынок. Россия, Индия и Китай относятся ко второму типу [7].

Здесь одинаково опасны обе крайности: империя без свободы (ГУЛАГ) и свобода без империи (олигархическая приватизация, эпоха «пиратизации России» [3]. О том, что понимал уже Пушкин, наши ученые после полутора веков поиска русской идеи начинают догадываться только сейчас.

Россия стала подниматься, с 2000 г. число суицидов сократилось на треть. ЛПП, лица, принимающие решения на Западе, насторожились и пытаются опустить Россию снова. Неэффективно и близоруко.

В российских расколах, революциях и контрреволюциях, реформах и контрреформах разные политики, экономисты, юристы, ученые, поэты, политтехнологи видят разное. Настолько разное, что, кажется, у них нет общего объекта. Чем определяется то, что мы видим, слышим, осязаем и обоняем, как и то, чего мы не воспринимаем и не понимаем, в истории российской империи и свободы, в ритме реформ и контрреформ, революций и контрреволюций? Языком, системой его жанров, дискурсов.

Есть язык империи, есть язык свободы или вольницы, язык интеллигенции в противопоставлении его как языку власти, так и языку подвластного народа, есть язык отцов и язык детей, язык отцов и язык матерей. Где найти язык сотрудничества языков?

Когда-то на смерть Есенина Маяковский сказал: «У народа, у языкотворца, умер звонкий забулдыга-подмастерье». Уточним: творение языка – это встреча творения снизу (язык, творимый народом) и творения сверху (литературный язык народа обычно имеет своего индивидуального автора). В России такой языкотворец – Пушкин. Это внутри России почти общепризнано. С мировым признанием дело сложнее в связи с тем, что Пушкин очень трудно поддается переводу. Так бывает: чем уникальнее языкотворец, чем лучше его понимают свои (конгениальные языкотворцам), тем хуже – не свои.

Пушкин сотворил наш язык, которым мы видим, слышим, осязаем, обоняем, помним, предвидим наш жизненный мир. Ибо то, что мы не умеем назвать – не проходит через границу между океаном бессознательного и сознанием, между Анимусом (агония патриархата) и Анимой (истерия феминизма, переживающего подростковый возраст). Называем мы мир не только именами существительными, именами собственными. Мы называем его жанрами. Для кого-то история страны – трагедия. Для кого-то – комедия. Для кого-то – драма. Эпос (от «Одиссеи» Гомера до «Улисса» Джойса, «Войны и мира» Толстого). Телесериал. Учебник истории, который элита каждого поколения переписывает в качестве пьедестала под себя. Перечень приемлемых политиков и ученых, поэтов и художников.

Язык жанровых экспериментов Пушкина был потенциально всенароден. Это показала наша история после смерти поэта, после периодов спада и возвращения интереса к нему. Актуализации этой потенции мешал раскол народа. Раскол на неграмотное большинство и грамотное меньшинство, на русских и инородцев, на православных и староверов, на верхи и низы, на крепостников и крепостных, на отцов и детей, на западников и славянофилов, консерваторов и либералов, интеллигенцию и власть, интеллигенцию и народ, на мужиков и баб, на Белую армию и Красную армию, трезвых и спившихся.

Но Пушкин надеялся, знал: «и назовет меня всяк сущий в ней язык – и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык».

5.3. ВСЕНАРОДНОСТЬ. Концерт как концепт

Итак, слово-ключ к феномену Высоцкого для меня заключено именно в слове **всенародный**. Всенародный актуально и прижизненно. Не как создатель, а как анти-раскольник языка, так сказать.

Мне будет легче ответить самому себе на эти вопросы, если мы будем держать перед глазами программу одного из зрелых и итоговых его концертов, слыша внутренним слухом его голос.

Высоцкий приглашал «вместе посмеяться и вместе погоревать». «Это сделано на печальном материале (вместе погоревать), хоть и в шутливой форме (вместе посмеяться)». Более того – «Я хочу, чтобы публика моя тоже работала вместе со мной – мыслила и нервничала» (смеясь и горюя).

Я предлагаю грубую разбивку концерта 1980 г., отвлекаясь от полутонов и переходов в собственную противоположность.

«*Понервничать, горюя*»: 1. На братских могилах не ставят крестов... (1965).

«*Подумать, горюя*»: 2. И взвод отлично выполнил приказ, Но был один, который не стрелял.

Понервничать, горюя: 3. Я полжизни отдал за тебя, подлеца, А ты жизнь прожигаешь, иуда! (Случай в ресторане. 1966).

Понервничать, смеясь, чтобы подумать: 4. Хорошую религию придумали индусы – Что мы, отдав концы, не умираем насовсем. (1967 или 1969). 5. Слоен сказал, не разобрав: «Видно быть потопу...». В общем, так: один Жираф влюбился в антилопу. (Что случилось в Африке, 1968). 6. Почему аборигены съели Кука. 1972–73. 7. Письмо из Парижа. 1976. 8. Дорогая передача.

Подумать, горюя: 9. Бег иноходца. 1970.

Подумать, смеясь: 10. О фатальных датах и цифрах. 1970.

Понервничать, смеясь: 11. Марафон. 1970. 12. О Джеймсе Бонде. 1973. 13. Поездка за рубеж. 1974.

Подумать, горюя: 14. Чужая колея.

Понервничать, смеясь: 15. Лекция о международном положении.

Подумать, горюя: 16. Я не люблю. 1976.

Эти наблюдения я взял из моей неопубликованной статьи «Разберемся» (в несостоявшийся сборник, в который нас с Ю.В. Шатиным в 1980 г. пригласил покойный Всеволод Абдулов). *Описание* я оставляю. *Объяснение и понимание* созрели только сейчас. Шатины упрекали меня, что я бросил тему Высоцкого.

– Какая там *тема?*! – это была неподдающаяся *проблема*: Он, тот, который во мне сидит, почему он меня не отпускает, что ему от меня надо, что мне от него нужно? Бессознательный ответ был, но осознанию он не давался. Кажется, теперь начинает доходить и до осознания.

Ответить на поставленные вопросы нельзя с помощью готового словаря. Готовый словарь – это материал. Уже стареющий. Его судьба – смерть. Но смерть, как говорил Бахтин – чреватая рождением нового. Я бы добавил – и возрождением рождающего старого. Поэтому я буду различать Постсловарь (рождающий язык) и Протословарь (рождающийся язык).

Это помогает мне начать понимать то, что 20 лет вертелось на кончике языка, но так и не выговорилось. И сегодня выговорить удастся не все, что просится наружу, но хотя бы наметить направление дальнейшего поиска – почему бы и не попытаться.

Рассмотрим ведущий жанр его творчества: концерт.

Объем концерта определяется объемом внимания публики. Поэтому нужен жесткий отбор песен для концерта и интуитивно точная их расстановка. Высоцкий не любил петь по заявкам слушателей, во всяком случае, в основной части концерта. Ему нужно было нечто сказать целиком. Он как бы дирижировал со-творчеством слушателей, будучи дирижером того типа, который ведет оркестр и публику, а не ведёт ими. Прозаические комментарии были крайне лаконичны, но точны.

Прежде чем говорить о концерте, вспомним, какова этимология самого слова концерт?

КОНЦЕРТ, лат. concertare – состязаться. Публичное исполнение музыкальных произведений.

С кем состязался Высоцкий? На сцене были только он и гитара. Со своими персонажами? С бардами? С публикой? С самим собой? С теми, кто упорно пытались и пытаются петь «под Высоцкого»? Что теряют его тексты, когда их поют другие, когда мы читаем их в книге? Зачем рвались на его концерты обладатели магнитофонных записей его песен и концертов, которые они знали наизусть? Зачем он сам рвался на концерты, подчас нарушая трудовую дисциплину актера Таганки? Пушкина трудно переводить. Высоцкого трудно петь.

В общем виде направление поиска ответа понятно: не дается поющим песни Высоцкого неповторимая, непереводаемая, нетиражируемая *энергетика* концертов.

Электрический ток есть поток электронов. Каковы основные «электроны» энергетики концертов? Ритмы? Рифмы? Тембр? Интонация? Образы? Метафоры? Понятия? Концепции? Смыслы? Ответов слишком много, они рассыпаются.

В «Толковом словаре иноязычных слов» есть рифма к слову КОНЦЕРТ, на той же странице – КОНЦЕПТ, лат. *concipere* – содержать, представлять себе, формулировать; философское понятие.

Но обычно научные понятия противопоставляются художественным образам, метафорам. Противоположные *концепции* различных литературоведов противопоставляются друг другу при анализе одних и тех же текстов. Причем энергетика концепций не идет ни в какое сравнение с энергетикой того, о чем концепции – энергетикой самих художественных произведений, в нашем случае – концертов. Песни вне контекста концерта уже много теряют.

Я пришел с некоторых пор к убеждению, что «электроном», единицей, клеточкой энергетики *концерта* является именно *концепт*. Но такой, который еще не стал словесной метафорой, понятием, категорией, но уже задает тип картины мира, внешнего и внутреннего. Это значение слова концерт (дословесная ориентация в мире) уже было известно средневековым концептуалистам. Но на пути к цитированному выше словарю и современным поэтам, именующим себя концептуалистами, оно потерялось.

Я долгое время не мог понять, почему из триады средневековых философов обычно поминают только диаду реалистов и номиналистов. Концептуалистов одни считали непоследовательными реалистами, другие непоследовательными номиналистами, что давало право их игнорировать. Таким образом, историки средневековой философии превращались в диадистов, что странно. Ведь и христианские теологи и философы, воспитанные на Канте, Гегеле, Марксе, Фрейте – триадисты. У каждого из них есть своя святая Троица. Почему же, помяная двоих, забывали и забывают и, похоже, еще долго будут забывать третьих – концептуалистов? Забывают Абелияра, который запальчиво переводил в оборону и реалистов, и номиналистов. Не только до того, как его кастрировали (чтоб не писал и чтобы меньше думал?), так и после. Почему я сам воспринимал Абелияра то как платоника реалиста, то как аристотелика номиналиста? Глаза открыла, ответ дала женщина, Светлана Неретина. Опять женщина – к чему бы это? Мужчины в философии ведут себя по Геодакяну: делают новое, но – кое-как. Женщины – не новое, но как следует. «Новое-кое-как» привело нас на грань глобального эколого-этического кризиса. Без женщин нам не спасти из этой навозной кучи зерна того, что не усиливает кризис, а помогает его преодолеть. Правда, для этого нужны не стервы, не женщины, которые мужественнее женственных мужчин делают свои карьеры в кое-как-мире или же бьются в истерике подросткового неофеминизма, во всемирной смуте, в водоворот которой втягивает гибнущее человечество гибнущая сверхдержава. Нужны ответственные бабушки, жены, сестры, дочери, внуки. Нужны не «женщины», а женщины. Кстати утраченную идентичность женщины восстанавливают быстрее мужчин, утративших мужественность («Наши бабы лучше, чем мы», поет бард).

Так что же раскопала женщина на этот раз? Из-за чего кипели страсти в средневековых богословских диспутах? Из-за выбора позиции: «Верить, чтобы знать» или «знать, чтобы верить». Иными словами: верить, чтобы доказать, или доказать, чтобы поверить?

Чтобы знать, нужны понятия. Чтобы верить, нужны концепты. Харизма природы богатырей одного типа велит верить, чтобы знать. Харизма богатырей другого типа велит знать, чтобы верить. Чтобы понять, кто ты – помолись:

Дай Бог принять то, что не могу изменить; изменить то, что могу (или смогу, если подучусь). А главное – не дай Бог спутать одно с другим.

В наше время плюрализма концепций, уничтожающих друг друга, концепты и понятия чаще всего употребляются как взаимозаменяемые синонимы. В результате происходит аннигиляция. «Слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают как платье».

Чем отличается концепт от понятия? Послушаем женщину-философа (простите, Светлана Сергеевна, не называть же Вас философией. Пока что язык вообще и философский в особенности остается фалло-лого-центричным).

«Понятие – это объективное единство различных моментов предмета понятия (выделенного в объекте или в субъекте – В.Т.), созданных на основании правил РАССУДКА... понятие связано с *языковыми* структурами, которые выполняют функции становления строго определенной мысли, НЕЗАВИСИМО ОТ ОБЩЕНИЯ (выделено мной – В.Т.).

Концепт же формируется речью (1), освященной Св. Духом (2), и осуществляющейся потому “по ту сторону грамматики”, – в пространстве души с ее ритмами, энергией, интонацией (3). Концепт предельно субъектен (4), Изменяя душу индивида, размышляющего о вещи, он при формировании предполагает другого субъекта, слушателя или читателя (5) и в ответах на его вопросы актуализирует СМЫСЛЫ (6). Память и воображение (7) – неотъемлемые свойства концепта, направленного на понимание здесь и теперь, в едином миге настоящего (8), с одной стороны, а с другой, концепт синтезирует в себе три способности души и как акт памяти, ориентирован в прошлое, как акт воображения – в будущее, а как акт суждения – в настоящее (9). Таким образом универсальное у Абельера – это полнота конкретности» [10, с. 47].

Концерт Высоцкого прежде всего концептуален в этом смысле. Он глубоко пашет, добираясь до дословесных концептов, внесознательных архетипов. Они у нас от почвы, политой кровью и потом предков, от родителей, от четырех матриц миропонимания (Гроф), через которые мы проходили уже в утробе матери («девять месяцев – это не лет»), Проходили с тем, чтобы свою харизму, свое призвание построить на доминировании одной из них, а остальные три использовать, чтобы понимать тех, кто свое призвание построил на одной из остальных матриц).

Условно говоря, это: 1) матрицы рая; 2) ада (начинаются родовые схватки, но выход еще закрыт); 3) затем – открывается свет в конце туннеля; 4) наконец с первым криком перерезается пуповина и начинается жизни ребенка вне утробы матери.

Итак, энергетика концерта питается энергетикой архетипов, концептов. Наш жизненный мир делится на то, что заставляет нас или помогает нам понервничать (горюя и/или смеясь), подумать.

Теперь пора сказать немножко о полутонах и переходе в собственную противоположность.

Снова вспомним начало концерта:

«*Понервничать, горюя*»: 1. На братских могилах не ставят крестов... (1965). Это могилы убитых врагами.

Следующая песня – переход в противоположность: чуть не убитый своими:

«*Подумать, горюя*»: 2. И взвод отлично выполнил приказ, Но был один, который не стрелял. – Эй, ты, недострелянный, Давай-ка на укол.

Как говорится, и грех, и смех, переплетение трагедии и комедии.

«*Понервничать, горюя*»: 3. Я полжизни отдал за тебя, подлеца, А ты жизнь прожигаешь, иуда! (Случай в ресторане. 1966). Переплетение еще и сатиры – юмора.

Понервничать, стаясь, чтобы подумать: 4. Хорошую религию придумали индусы – Что мы, отдав концы, не умираем насовсем. (1967 или 1969).

Почти по Гегелю: искусство умирает в форме комедии. Только это чреватая смерть на рубеже реального и возможного миров.

В математике есть рекурсивные, самоподобные функции. Пусть это будет математической метафорой отличительного свойства живых, самоорганизующихся систем, которые благодаря синергетике стали, наконец, доступными науке. Каждая клетка, каждый орган живого организма подобен организму в целом, каждый организм подобен биосфере в целом. И наоборот. У гениальных поэтов каждое его ключевое стихотворение, поэма подобны всему творчеству, с одной стороны, а также подобны своим относительно автономным ключевым составляющим (строфам, строкам, ритмам, рифмам, каждому слову и корню ключевых слов). Бывает такое творчество народным, в судьбоносные моменты жизни народа этого мало – востребована всенародность.

Описанный выше концерт годится для уяснения этого ключевого слова предлагаемого текста, дискурса. Всенародность – это энциклопедия жизни, жанров, сотворчества. Не всех, но опорных, ключевых, фундаментальных.

Вернемся к жизненному миру. На переломе.

Было всего две успешных попытки России вырваться из косной отсталости: при Петре и при Иосифе. Обе по принципу – нужна одна победа, мы за ценой не постоим. Цену составляли как необходимое самопожертвование народа, так и жертвы торопливости и сверхподозрительности Петра и Иосифа, связанные с тем, чтобы оба – на грани нормы и патологии. Жертвами были и дальние, и ближние, в том числе сыновья и жены обоих.

На вызов Петра истощенная, но реанимирующаяся Россия ответила Ломоносовым и Пушкиным.

На вызов Иосифа – в том числе Шолоховым, Солженицыным, Сахаровым, Королевым, Высоцким.

По Гумилеву возраст России равен возрасту Европы XVII века.

Будет ли третий успешный рывок из отсталости? Будет ли он снова опасно истощающим? Или мы, наконец, научимся побеждать не числом, а умением, причем так, чтобы не было побежденных? Горбачев этого хотел, но американцы его развели. В результате он отпустил объединенную Германию в НАТО, а Ельцин и К^о распустили СССР.

Среди голосов протестующих хриплый голос Высоцкого оказался всенароднее языка православных философов Флоренского и Булгакова, филолога Бахтина, психолога Выготского, физика Сахарова, математика и писателя Солженицына, диссидентов и правозащитников.

Дело не в смелости. Смелыми, юродивыми Россия не обеднела. Но смело кричать с помощью обветшавших слов и выдохшихся жанров хоть и не слабо, но слабо. Диссиденты и правозащитники заслуживают уважения за смелость. Однако их благими намерениями бывает вымощена дорога не в храм.

Умные, талантливые, подчас гениальные статьи и книги оказывались «выстрелами в подушку» после первого рождения. Поэтому понадобились вторые и следующие рождения Пушкина, Выготского, Бахтина, Чижевского, Кондратьева, Высоцкого. Стратегические вещи дольше ждут своего читателя, чем тактические.

Приходится создавать новую систему старых жанров родного языка. Экспериментировал со всеми основными жанрами спринтер Пушкин. Экспериментировали с жанром романа Достоевский, с эпосом – стайеры Толстой, Шолохов, с рассказами –

Антон Чехов, с поэзией – Маяковский, Пастернак, с театром – Станиславский, Михаил Чехов, с музыкой – Шостакович, Шнитке...

Но мы говорим о том, как экспериментировал Высоцкий.

И, наконец, дополняет энциклопедию жизни и энциклопедию поэтических жанров *энциклопедия сотворчества* зрителей и слушателей. Конечно, если они не утратили способность не только нервничать (то горюя, то смеясь), но и думать, по-женски сопереживая и по-мужски поступая. Или хотя бы хотят родить в себе такую способность сотворчества. Она так нужна в момент, когда опущенная Россия, утратившие мужество мужчины, утратившие женственность женщины снова обретают чувство собственного достоинства и локоть друга, подруги.

Мы будем плакать, петь и смеяться как дети, если вернем нашим языковым метафорам, понятиям и категориям (Пост и Прото) почву архетипов, концептов, усвоенных нами в утробе матери, в утробе нашего «кормящего ландшафта». И станет наша элита укорененно идейной, народу понятной, станет наш народ грамотным по-настоящему. Знает тот, кто может сделать, совершить поступок.

Вернемся к всенародности Высоцкого.

Во-первых, его песни – *обо всем народе*, всех народах. В надежде на то, что когда-нибудь мы перестанем делить людей на своих и врагов. Делать друзей нужно и из врагов, больше не из кого. Пусть это будет тезисом.

Во-вторых, его песни *понятны всему народу*, они затронули сокровенное у слушателей из самых разных слоев, уровней, группировок народа. Для этого мало быть смелым. Нужно быть умелым, ибо «слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают как платье». И тогда «улица корчится безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать». Рождающийся язык обновленных жанров по отношению к обветшавшему – пусть будет антитезисом. Соединение опыта дворовой компании, многие участники которой «ушли из подворотен ворами» с опытом Таганки, театра пишущих актеров, ищущих драматургов и режиссера, подготовило Высоцкого к этой миссии.

В-третьих... здесь напрашивается синтез, но с синтезом после многочисленных российских расколов дело обстоит неважно, как в нашей истории, так и в ее теории. Чтобы наметить подходы к синтезу, причем не привычному монологическому, а все еще непривычному, хотя и усиленно декларируемому с подачи Бахтина, а позже синергетиков, нужна некая модель роли искусства. Статья – не место для обзора таких моделей.

Я буду исходить из того понимания искусства, до которого нам помогли подняться Кант и Шиллер, размышления Выготского о «Гамлете», Эйзенштейна о «Броненосце Потемкине», Бахтина о полифоничности романов Достоевского.

Ответственность за толкование и его возможные ошибки я принимаю на себя и потому излагаю его своими словами.

Искусство есть вид игры в возможных мирах. Оно отличается от мифа и религии тем, что не требует принимать свои вымыслы за действительность (Фейербах). Пушкин: «над вымыслом слезами обольюсь». «Истина страстей и правдоподобие чувствований в ПРЕДЛАГАЕМЫХ обстоятельствах».

Теперь мы получаем возможность разобраться в формуле, восходящей к Канту и Шиллеру: такая игра означает уничтожение материала формой (я предпочитаю говорить не об «уничтожении», а об «освоении отчужденного»).

Тезис теперь обретает такой вид: **материал** искусства (то, о чем оно) – это все, что художник застал готовым и уже недостаточным, обветшавшим в реальной жизни и в языках художественных жанров. Так Достоевский застал готовыми стереотипы восприятия проститутки и убийцы, а также жанр монологического романа. Высоцкий

застал готовыми стереотипы восприятия всей энциклопедии своих персонажей по обе стороны колючей проволоки, а также жанры их современного не подцензурного фольклора, авторской песни.

Антитезис – новая, жизнеспособная, восходящая художественная форма, меняющая стереотипы восприятия материала. Результат освоения со времен Аристотелевской теории трагедии называется **катарсис**.

Искомое третье, диалогический, полифонический (сегодня полиэргатический) синтез – это путь от популярного катарсиса к незаслуженно забытому **экстазису**. (Мой компьютерный редактор пропустил слово «катарсис», но подчеркнул красным незнакомое ему слово «экстазис»). Разберемся.

Катарсис – очищение. Но это слово достойно помещения в «Словарь ложных друзей переводчика». Очищение от чего? Чего? Чем? Кем? Зачем? Катарсис в медицинском смысле – это, простите, «лают псы до рвоты». По поводу значений слова катарсис в эстетическом смысле А.Ф. Лосев в свое время писал, что подсчитано, что к 1931 г. было высказано по этому поводу 1425 различных толкований» [9, с. 178]. Но в большинстве толкований общий знаменатель аналогичен гомеостазу: восстановлению утраченной нормы. Различия связаны с пониманием нормы и средств ее восстановления.

Однако искусство служит также и развитию, обретению новых норм, новых жанров, новых парадигм. С.М. Эйзенштейн заговорил об **экстазисе**:

«Воздействие пафоса произведения состоит в том, чтобы приводить зрителя в состояние экстаза»... “ex-stasis”... означает дословно то же самое, что наше “выйти из себя”. Или там же: «Выход из себя» не есть “выход в ничто”. Выход из себя неизбежно есть переход в нечто другое, в нечто иное по качеству, в нечто противоположное предыдущему (неподвижное – в подвижное, беззвучное – в звучащее и т.д.)» [14, с. 61].

В рамках этой модели искусства можно развить мысль Толстого: искусство есть форма обмена не только и не столько безличностными мыслями, сколько личностными чувствами. И это не просто обмен, а взаимоусиливающая синергия. В свете введенной модели освоения формой материала мы будем говорить о чувствах на уровне материала (привычное отношение к блуднице и убийце), на уровне формы (отношение к персонажам романа – Соне Мармеладовой и Раскольникову), на уровне катарсиса и/или экстазиса (отношение к бытовым стереотипам, к персонажам автора романа и соавторов романа, читателей, наконец, отношения к новоизобретенному жанру полифонического романа).

Представьте себе, советовал Шнитке, что есть многоэтажная площадь, по которой ходят в разных направлениях и одновременно играют различные опусы оркестры, но при этом слушатель воспринимает не какофонию, а симфонию, полифонию.

Несколько примеров из разных сфер культуры экстазиса из монолога (диалога глухих) к диалогу.

Это в противоположность показному «покаянию» Раскольникова, когда он целовал площадь, – покаяние без кавычек, которое совершилось безмолвно, уже на каторге, в самом конце романа.

Это экстазис самого жанра романа из монологического (который только и видели еще во времена Гегеля) в полифонический.

Это экстазис науки из классической бессубъектной через неклассическую – в постнеклассическую полисубъектную (здесь и познаваемое, и познающее, человеко-машинные, полиэргатические системы, в которых человек не объект и средство, а субъект самоцельного саморазвития, самореализации).

Это экстазис из техники механической переработки вещества через энергетическую технику – в технику информационную, что лежит в основе смены образцов, парадигм и науки, и искусства, и маркетинга, и образования, всех международных коллизий.

Это экстазис образования из предметно-дисциплинарного в проблемно-междисциплинарное.

Это, наконец, экстазис философии из модерна через постмодерн в некое пока еще безымянное состояние.

Такой экстазис предполагает катарсис, но выходит за пределы его меры.

Это экстазис Человечества в некое Постчеловечество (что аналогично смене неандертальцев кроманьонцами) или в сосуществование человечества с не уничтожившим его постчеловечеством, земного или космического происхождения (здесь аналогия с судьбой неандертальцев, исчезнувших с лица земли, или сохранившихся в виде снежного человека, не проходит).

С одной стороны, получается некая экстазическая утопия. С другой стороны – разве уже есть альтернативный Ответ на Вызов глобального экологического кризиса, в результате которого, к сожалению, человечество может покончить самоубийством, а может быть, и потащить с собою всю биосферу? Не слышал. Пока мы продолжаем рубить сук, на котором сидим, несмотря на все уговоры друг друга, что пора с этим кончать.

Итак, всенародность возможна на уровне материала, на уровне формы и на уровне освоения отчужденного материала с помощью экстазической, новой формы (когда народы, распри позабыв, в единую семью объединятся?).

6. Заключение

Народ России утратил способность сопротивляться очередному нашествию Запада (после Наполеона и Гитлера), на этот раз «либеральному» – навсегда или на время?

«Ты проснешься ль, исполненный сил,
иль судеб повинуюсь закону,
все, что мог, ты уже совершил,
создал песню подобную стону
и навеки духовно почил?».

Гарантий положительного ответа на это вопрос нам никто не даст.

Но надежда остается. Что питает надежду?

Во-первых, может быть прав Гумилев, который считает, что наш этнос моложе европейских этносов, ибо после веков надлома (XIX–XX вв.) он только сейчас вступил в тот возраст, в который Европа вступила еще в XVII в.

Во-вторых, всенародное искусство у нас было и не быстро стареющим, выходящим при жизни в тираж, поп-звездам не прервать эту порождающую традицию.

Есть надежда на то, что остальные сферы культуры воспримут и усилят всенародность (не за счет семьи и личности, как бывало), через преодоление беспочвенности заемных не освоенных идей, через укорененность в отечественной почве истины и красоты, добра и пользы, смысл их сотрудничества.

Закончим на языке довербальных концептов. Наиболее известны в любой аудитории астрологические концепты.

Некоторые астрологи считают, что в России слились два знака, представляющих две стихии:

Связующая Землю и Огонь: Воздух, Водолей (стремление нести освобождение всему миру, идеал универсализма и начисто лишенный практичности Иван-дурак,

которому ничего не надо кроме чуда. **Водолей Высоцкий**. Шаяпин. Эйзенштейн. Флоренский. В. Соловьев. Менделеев. Бехтерев. Шестов. Ельцин. Чкалов. Чапаев. **Пушкин тоже Воздух, но Близнецы**.

Огонь: Овен, от татаро-мнголов. Воинственность и активность кочевников. Красная площадь и кремлевская стена (в отличие от белокаменной древней Москвы). Овен не так холоден и альтруистичен как Водолей, себя не забывает.

Красный флаг и Москва + светлый и холодный город белых ночей Ленинград.

Овны у нас Мусоргский, Утесов, Алла Пугачева. Максим Горький. Гоголь. Герцен. Аксаков. Хрущев.

Земля. Толстой – Дева. Екатерина II – Телец.

Вторая связующая стихия – **Вода**. Достоевский – Скорпион.

Моменты общенародности – это моменты, когда эти стихии перестают разрушать друг друга.

Литература

1. *Бернард Черил, Шлаффер Эдит*. Без нас вы ничто. – М.: Панорама, 1993.
2. *Бродецкий А.Я.* Внеречевое общение в жизни и в искусстве. Азбука молчания. – М.: Владос, 2000.
3. *Голдман М.* Пиратизация России / Пер. В.И. Супруна. – Новосибирск; М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2005.
4. *Давыдов А.П.* Духовной жаждою томим. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
5. *Кон И.* Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. – Харьков; СПб.: Алетейа, 2001.
6. *Кантор Максим*. Учебник рисования: В 2 т. – М.: ОГИ, 2006.
7. *Киридина С.Г.* X и Y экономики. Институциональный анализ. – М.: Институт экономики; Наука, 2004.
8. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. – М.: Когито-Центр, 2003.
9. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. – М.: Искусство, 1975.
10. *Неретина С.С.* Абелья и особенности средневекового философствования // Абелья. Теологические трактаты / Пер. с лат.; вступ. ст., сост. С.С. Неретиной. – М.: Прогресс; Гнозис, 1995.
11. *Руководство по аддиктологии* / Под ред. проф. В.Д. Менделевича. – СПб.: Речь, 2007.
12. *Федотов Г.* Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 1. – СПб.: София, 1991.
13. *Федотов Г.* Певец империи и свободы // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX – XX век. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999.
14. *Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения: В 6 т. Т. 3. – М.: Искусство, 1964.